

М.Л. ШУБ

ФЕНОМЕН КОММЕМОРАЦИИ: ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРАКТИК ПУБЛИЧНОГО ПОМИНОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЯ УЛИЦ ЧЕЛЯБИНСКА)*

Мария Львовна Шуб,

Челябинский государственный институт культуры,
кафедра культурологии и социологии,
доцент
Орджоникидзе ул., д. 36а, Челябинск, 454091, Россия

кандидат культурологии, доцент
E-mail: shubka_83@mail.ru

Реферат. Культурная память является сегодня актуальной и хорошо разработанной темой. Однако этого нельзя сказать о формах ее визуализации — коммеморативных практиках. Феномен коммеморации привлекает внимание ученых-гуманитариев, но осмысливается в основном в практической плоскости (как совокупность конкретных мемориальных событий и реакций на них). В статье предпринята попытка добавить к данному исследовательскому ракурсу теоретический аспект изучения. В основе коммеморации лежат несколько значимых признаков, отличающих ее от иных способов визуализации культурной памяти — публичность, коллективность, ритуальность, ретроориентированность, аксиологическая направленность и эмоциональность. Ее структуру составляют три взаимосвязанных элемента: ядро (повод поминовения — значимая личность, событие, совокупность событий, место и т. п.), символ (мифологема, создающая во круг ядра некое образно-ценностное пространство, адресуемая социуму и моделирующая формы и способы его бытия) и функция (выполняемая задача — интеграция, идентификация, социализация, компенса-

ция, накопление и др.). На основе этой трехчастной структуры разработана методика анализа конкретных коммеморативных практик (на примере наименования улиц Челябинска). В рамках реализации данной методики выделен ряд критериев анализа коммеморативного ядра: территориальная локализация (региональная, общероссийская или мировая), хронологическая локализация (период до XX в., XX столетие, постсоветский период), тип (личность, событие, место), тематика (презентация отдельных сфер). Проведенный в соответствии с указанными критериями контент-анализ эмпирического материала (наименование 260 улиц) позволил выделить наиболее востребованные коммеморативные символы («наследие» и «герой»), а также дал возможность сделать не только частные выводы об отдельных направлениях сохранения и популяризации культурной памяти, но и выводы более широкого порядка — о ценностных стратегиях современной культурной политики.

Ключевые слова: культура, память, коллективная память, культурная память, коммеморация, публичное поминовение, коммеморативные практики, наименование улиц.

Для цитирования: Шуб М.Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик

* Исследование выполнено в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ-2018), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 2. С. 161–169. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169.

Вопросы, связанные с сущностью культурной памяти, ее интегративными, стабилизационными и идентификационными ресурсами, все чаще становятся предметом современных гуманитарных исследований. Во многом это объясняется спецификой актуальной ситуации, в которой наиболее глубокий кризис проявляется именно в дезинтеграции общества, потере его фундирующих ценностных оснований и нарушении традиционных процессов идентификации. Культурная память в связи с этим рассматривается как инструмент социального «успокоения», источник обретения объединяющей национальной идеи, механизм нивелирования или хотя бы смягчения разрыва между модусами времени. В то же время культурную память используют и в прямо противоположных целях (примеров этому множество и в далекой, и в современной истории) — для провокации конфликтов, социальной дестабилизации, манипулирования прошлым в интересах отдельных групп. В любом случае важным представляется тот факт, что сегодня проблематика культурной памяти вышла за пределы чисто теоретических рассуждений в плоскость практического использования, где достаточно абстрактное мифо-символическое, архитектурное содержание культурной памяти трансформируется в конкретные символы и знаки, понятные каждому человеку и влияющие на его образ мыслей и поведения. Такие формы визуализации, объективации культурной памяти принято называть коммеморацией, и именно коммеморативные практики, а не память сама по себе, обладают созидательным или деструктивным потенциалом.

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕНОМЕНА КОММЕМОРАЦИИ

Термин «коммеморация» в подавляющем большинстве гуманитарных исследований употребляется скорее интуитивно, на уровне здравого смысла, нежели в рамках каких-то четких смысловых границ. Это детерминировано ситуацией, при которой разные авторы под коммеморацией понимают самые различные феномены — от поминовения как такового до исключительно празднично-мемориальных церемоний.

В связи с этим особенность осмысления коммеморации заключается в том, что она, как правило, рассматривается либо в контексте отдельных ритуальных практик (мемориалов, парадов, прочих празднований), не выходя за рамки конкретно-событийного контекста ее существования (локальный подход), либо лишь вскользь упоминается в контексте более общих теоретических рассуждений (расфокусированный подход). Примером локального ракурса изучения коммеморации являются работы таких авторов, как А. Лангеноль [1], К. Штоп-Рутковска [2], Г. Шагоян [3], Л. Кучер [4], К. Мураками [5], Н. Лоренцо-Дус [6], Е.В. Хаскинс [7]. Представителями расфокусированного взгляда на коммеморацию можно назвать П. Хаттона [8], П. Рикера [9], Я. Ассмана [10], П. Нора [11] и др.

В рамках настоящей работы совместим оба подхода, кратко очертим круг специфических черт коммеморации как явления культуры, а также представим результаты проведенного культурологического исследования конкретной коммеморативной практики.

Итак, мы полагаем, что коммеморацию следует интерпретировать как совокупность публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение (повторение) в актуальной культуре значимых для группы, символически выраженных представлений о прошлом. Важно обратить внимание на ту черту коммеморации, о которой говорил Э. Дюркгейм, — эмоциональную вовлеченность ее участников в мемориальное действие [12]. Коммеморация апеллирует не столько к рациональному (знаниевому), сколько к эмоционально-чувственному началу человеческой личности.

Структурно коммеморация представлена следующим образом. В ее основе лежит некий объект (коммеморативное ядро), который, собственно, и является поводом для акта поминовения. В таком качестве может выступать отдельная личность, событие, совокупность событий, место и т. п. Однако этот объект в процессе коммеморации превращается в коммеморативный символ, формируемый вокруг коммеморативного ядра. Этот символ, который также можно назвать архетипом или мифологемой, позволяет выйти за рамки конкретного события или биографии в пространство нарратива, и именно с его помощью формируются требуемые ценности и социальные модели поведения. Коммеморативным символом/нарративом может являться символ «корней» («отца-основателя»), жертвы, героя, травмы, победы, служения и т. п.

А. Макаров упоминает о суггестивной метафоре [13, с. 23], которая по своему содержанию близка к тому, что мы называем коммеморативным символом. Также он использует понятие «символы

группового единства», под которыми понимает совокупность «общих для членов группы фигур воспоминания, которые организуют рамку для возникновения общего смыслового поля» [13, с. 21]. Однако в рамках какой бы терминологии мы ни оставались, важным представляется то, что в поле культурной памяти попадает не событие (биография) само по себе (не коммеморативное ядро), а тот ценностный, символический «шлейф», который его сопровождает и который мы называем коммеморативным символом. Именно он, а не коммеморативное ядро, моделирует ценностные установки и поведение группы, способствуя ее солидаризации. Один коммеморативный символ объединяет в себе события (биографии) с односторонним ценностным посылом и в отличие от последних апеллирует не к разуму, а к эмоционально-чувственной сфере членов группы.

Замыкает структурное оформление коммеморативная функция. К наиболее значимым функциям следует отнести интегративную, идентификационную, социализирующую, информационно-накопительную, компенсаторную. Мы не будем раскрывать их сущность подробно, отметим лишь, что коммеморация всегда целенаправленна, она всегда выполняет определенный социальный и/или властный заказ, в независимости от формы, в которой она реализуется.

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Перейдем от теоретических рассуждений относительно коммеморации к практической плоскости ее изучения. Из всех возможных форм коммеморативных практик была выбрана практика наименования улиц на примере Челябинска. Следует отметить, что указаний на опыт проведения аналогичных по содержанию и методологии исследований ни в отечественных, ни в зарубежных источниках не найдено. При этом работ, близких по целевой направленности и посвященных изучению воздвижения памятников как особого коммеморативного акта (данное направление «политики памяти» нами также изучалось), достаточно много. Так, А.В. Святославский проводил исследование на примере памятников Москвы [14; 15], А.Дж. Коэн [16] и Дж. Стивенс [17] — на примере памятников жертвам Первой мировой войны и др.

Сам факт присвоения улице, проспекту или переулку какого-либо названия является актом коммеморации лишь в случае, если присваиваются названия, носящие мемориальный характер, т. е.

призванные зафиксировать в коллективной памяти значимые для группы фрагменты прошлого.

В рамках данного исследования с помощью метода контент-анализа рассматривался период с 1991 по 2016 г., условно говоря, постсоветский период, связанный с радикальными трансформациями во всех сферах жизни общества, в том числе в отношении к национальному прошлому и истории. За это время в Челябинске было присвоено 216 названий улицам, переулкам и проспектам [18, с. 16]. Из них 60 названий (почти 28%) носят мемориальный характер.

Проанализируем первый элемент коммеморативной трехчастной системы — коммеморативное ядро, чтобы понять, что для современных россиян представляется наиболее важным с точки зрения сохранения в архивах культурной памяти.

Для этого мы разделили коммеморативные ядра по нескольким основаниям (см. схему 1):

- ◆ территориальная локализация (региональная, общероссийская, мировая);
- ◆ хронологическая локализация (период до XX в., XX в., постсоветский период);
- ◆ тип (личность, событие, место);
- ◆ тематика (презентация отдельных сфер).

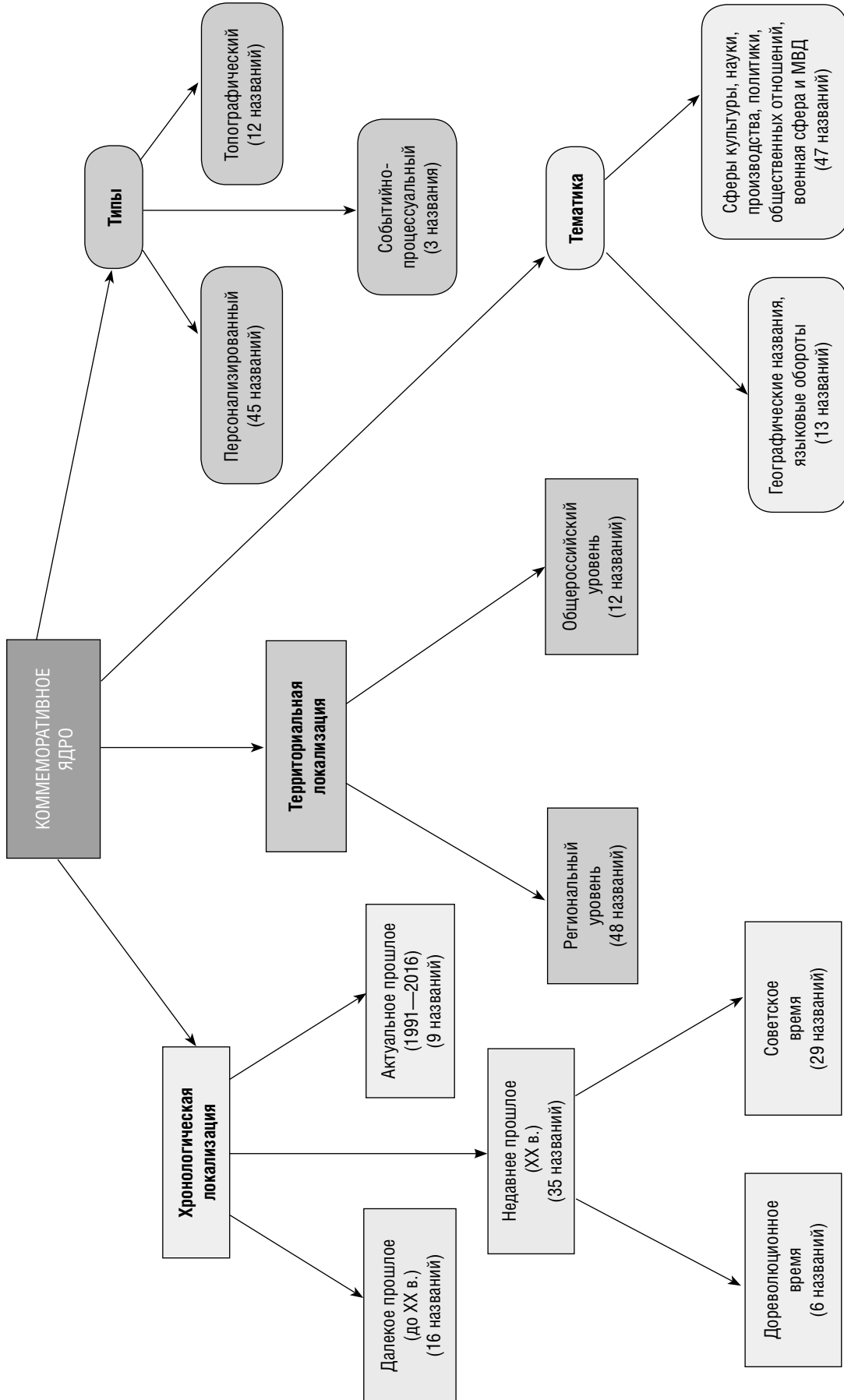
Объекты коммеморации (коммеморативные ядра) в подавляющем большинстве (80%) связаны с местным уровнем локализации, то есть с территорией Челябинской области, Южного Урала в их исторических и современных границах. Это может быть продиктовано тремя причинами.

Воспитательно-просветительская причина связана с желанием увековечить память именно о фактах локальной истории, выдающихся земляках, сделать их достижения достоянием общественности через закрепление их имен в названиях улиц, привлечь таким образом внимание к местным знаковым событиям и персоналиям, сформировать или усилить чувство патриотизма по отношению к малой родине.

Прагматичная причина обусловлена самой процедурой выбора и закрепления наименования муниципального объекта, так как значительно проще обосновать предлагаемое название, если оно связано с местной историей, кроме того, возможно и «лоббирование» названия отдельными локальными социальными группами (например, по инициативе спортсменов была названа улица в честь выдающегося тренера Х. Юсупова).

Конъюнктурно-историческая причина заключается в том, что историко-политический курс государства или отдельные коммеморативные поводы влияют на коммеморативную политику местных властей, проявляющуюся в том числе в наименовании улиц (например, после завершения Чеченского конфликта появилось сразу четыре улицы, названные в честь челябинцев — героев России, погибших в этой горячей точке).

Схема 1

Что касается хронологической локализации коммеморативных ядер, то здесь ситуация не столь однозначная. Мы выделили три основных исторических периода, к каждому из которых относятся анализируемые нами коммеморативные объекты:

- ◆ первый период — далекое прошлое (история до XX в.) (например, улицы Аркаимская, Невская);

- ◆ второй период ограничен рамками XX в. и имеет два подпериода, соответствующих двум этапам развития отечественной истории — до-революционному, или позднеимперскому (начало XX в. — 1917 г.) (например, улицы А. Бейвеля, А. Бруилова), и советскому (1917–1990) (например, улицы С. Королева, А. Сахарова);

- ◆ третий период условно обозначен как актуальное прошлое и включает в себя все хронологическое пространство постсоветской истории (1991–2016) (например, улицы Ю. Шеффера, П. Сумина).

Второй хронологический период оказался наиболее востребованным с точки зрения коммеморации (примерно 58% названий улиц). Большинство коммеморативных ядер (почти 50% от общего числа) датируются советским периодом. Следует еще раз подчеркнуть, что мы анализировали наименования улиц, присвоенные после 1990 года. И если преобладание событий и имен, связанных, например, с героями Октябрьской революции или Гражданской войны, в советское время кажется вполне естественным и предсказуемым, то их доминирование в современной истории дает повод для размышлений.

Такую ситуацию можно объяснить, исходя из двух оснований, — психологического и фактического.

С точки зрения психологического восприятия времени современность представляется еще не до конца сформированным этапом, с достаточно размытыми содержательными и смысловыми границами. Чтобы определить, что следует включать в объем культурной памяти, нужна историческая дистанция, взгляд со стороны. И этим требованиям отвечает в большей степени именно советский этап отечественной истории, несмотря на свое фактическое завершение. Советское прошлое еще зримо присутствует в современности в формате коммуникативной памяти: еще живы его непосредственные свидетели, актуально советское наследие в науке, культуре, образовании, спорте и пр. И это отличает его от до-революционного периода, который воспринимается как прошлое в «чистом виде» — давно минувшее и далекое.

Однако именно советское прошлое, несмотря на его спорные или даже страшные страницы, на сегодняшний день является наиболее мощной платформой для построения новой национальной идеи, активизации духа патриотизма и чувства национальной гордости. Именно советский народ выиграл Великую Отечественную войну,

именно в советское время Россия стала сверхдержавой, была создана уникальная научная инфраструктура, система образования и многое другое. Поэтому именно этот период российской истории представляется наиболее богатым на коммеморативные объекты и наиболее активно коммемориализуется.

Кроме понимания пространственной и временной локализации важным представляется определение типа коммеморативного ядра. Мы выделили три типа:

- ◆ персонализированный — объектом является конкретная личность (например, улицы Проф. Благих, Н. Духова);

- ◆ топографический — объектом выступает какое-либо место (город, местность, район и т. п.) (например, улицы Владимировская, Коломенская);

- ◆ событийно-процессуальный — объектом становится какое-либо событие, группа событий или процесс (например, улицы Невская, Казачья).

Наиболее востребованным является персонализированный тип (75%). Это достаточно легко объяснимо, поскольку историческое прошлое легче воспринимается через его персонализацию, частичную мифологизацию биографий, конкретные лица и их поступки.

С точки зрения тематики содержания далее были проанализированы коммеморативные ядра, разделенные на несколько сфер:

- ◆ географические названия;
- ◆ языковые обороты;
- ◆ сфера культуры;
- ◆ сфера науки;
- ◆ сфера политики и общественных отношений;
- ◆ сфера производства;
- ◆ сфера «служения», представленная военнослужащими и сотрудниками МВД.

Первые две сферы (географические названия и языковые обороты) соотносятся с топографическим типом коммеморативного ядра, выделенного нами выше. В данном случае наиболее популярной оказалась тематика, связанная с географическими названиями, конкретно — названиями населенных пунктов, при этом 9 из 11 наименований городов и поселений, которые легли в основу названий улиц, являются местами, откуда были родом первопоселенцы Челябинска (Владимир, Холмогоры, Шуя, Каргополь и др.).

Остальные обозначенные сферы, соотносимые с персонализированным типом коммеморативного ядра (сферы культуры, науки, производства, политики, общественных отношений, военная сфера и МВД), были проранжированы по степени популярности:

- ◆ военные, сотрудники МВД, ветераны войн (36,2%) (А. Бурденюк, С. Молодов, Е. Родионов и др.) — самая многочисленная группа, что связа-

но, на наш взгляд, с особым почтением к памяти участников и героев Великой Отечественной войны (почти в половине случаев улицы названы их именами) и в целом с позиционированием России как великой военной державы, с героическим военным прошлым, лучшим в мире оружием и т. д.;

- ◆ деятели культуры (23,4%) (С. Герасимов, Л. Головницкий, Н. Русаков и др.); такую востребованность этой тематики можно объяснить несколько субъективным фактором — Комиссия по наименованию улиц работает при Управлении культуры г. Челябинска и туда входят, главным образом, представители сферы культуры; кроме того, именно «культурная общественность» является наиболее активной в выдвижении «кандидатов» для названий улиц, хотя, вероятно, играет свою роль и стремление к популяризации, прежде всего, челябинских деятелей культуры и искусства путем увековечивания их имен;

- ◆ политические, общественные деятели, руководители (17%) (П. Столыпин, И. Зальцман, П. Сумин); здесь можно говорить о доминировании персоналий, относящихся к советскому периоду (5 из 8 названий) и конкретно — к периоду Великой Отечественной войны (4 из 5 названий); сегодня эта тематика не столь популярна из-за негативных ассоциаций с советским опытом наименования улиц в честь партийных деятелей и революционеров;

- ◆ деятели науки (12,8%) и производственники (10,6%); эти две группы можно объединить не только вследствие их меньшей востребованно-

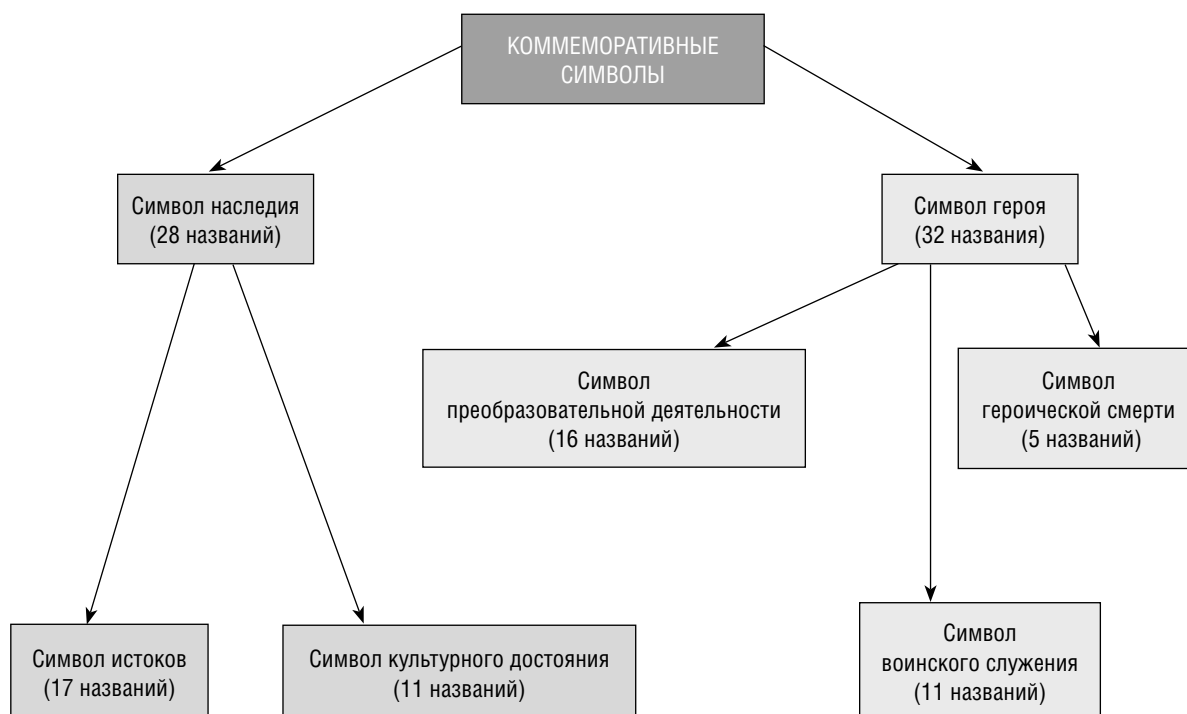
сти, но и потому, что многие представители науки имели отношение к промышленности и производству (например, С.П. Королев [19, с. 471]) и, напротив, многие производственники были теснейшим образом связаны с наукой (например, Л.А. Окраинский [19, с. 667]); общим является также отсутствие наших современников, представители обеих групп относятся к советскому периоду, за исключением Н. Минко, который работал еще до 1917 года.

Как мы уже отмечали, коммеморативное ядро (в нашем случае — в честь чего или кого была названа улица) является лишь одним элементом в трехчастной структуре коммеморации. Его можно назвать центральной точкой более широкого смыслового поля, называемого коммеморативным символом (нарративом). Задача коммеморативного символа состоит в предельном обобщении и архетипизации ядра, переводе конкретного содержания на язык мифологем и символов. Поэтому само ядро дает лишь своего рода повод для коммеморации, а в ее презентативной, публичной части «участвует» его символическая оболочка.

Число таких коммеморативных символов невелико и соответствует в целом наиболее общим ценностям, установкам, нормам, принятым в том или ином обществе.

Применительно к данному этапу исследования выделим два глобальных коммеморативных символа, а для более глубокого анализа в рамках каждого из них — по два подтипа (см. схему 2).

Схема 2

Первый символ — наследия (символ истоков и символ культурного достояния) — связан с идеей общих для группы исторических корней, общего прошлого. Он представляется чрезвычайно важным, поскольку реализует идентификационную, интегративную и дифференцирующую функции коммеморации и культурной памяти. Конкретизируем его, разделив на два подтипа, отражающих общую идею, но в разных содержательных аспектах — историческом и культурном.

Второй символ — героя (символ преобразовательной деятельности; символ воинского служения; символ героической смерти) — представляет собой некий образ пассионарной личности, чья биография связана со значительными достижениями и свершениями. Сферы этих достижений мы также конкретизировали, выделив область «мирных» преобразований и воинской службы, в том числе и связанной с героической смертью. Вероятно, можно даже выделить отдельный одноименный символ как высшую форму проявления героического начала, связанного с абсолютным служением высоким идеалам, Родине, с полным самоотречением и жертвенностью. Важно подчеркнуть, что эта характеристика представляет собой содержание коммеморативного символа, а не ядра, и может не отражаться или отражаться не в полной мере, например, в реальных биографиях или событиях.

И коммеморативный символ наследия, и символ героя примерно в равных пропорциях представлены в названиях улиц (с некоторым перевесом в сторону последнего). Это может свидетельствовать в целом о сбалансированном типе коммеморации. Внутри каждого символа также наблюдается смысловая пропорциональность.

Итак, можно говорить о том, что коммеморативная политика властей Челябинска в период 1991–2016 гг., репрезентуемая через процедуру присвоения наименований улицам, сводится к популяризации идей о наличии у жителей города общих уникальных исторических корней, богатого недавнего прошлого (советский период), окрашенного, прежде всего, достижениями в сфере региональной культуры и героическими подвигами челябинцев в лице военных и сотрудников МВД. Трудно с уверенностью сказать, следуют ли городские власти строго намеченной и осмысленной коммеморативной политике, действуют ли в русле общегосударственных установок в сфере политики памяти или процесс ее формирования носит стихийный характер. Думается, что в реальности срабатывают все три стратегии.

В целом изучение коммеморации позволяет не только обозначить основные направления политики памяти, зафиксировать специфику ее пополнения и формы реализации, но и понять симптома-

тику развития культуры, ценностные приоритеты, спрогнозировать возможные сценарии развития в будущем: «Изучение мемориальных практик представляет собой ресурс высочайшей эвристической ценности для любого, кто интересуется исследованием соотношения между памятью о прошлым и общественными процессами настоящего... Определить изначальные мотивации, составляющие основу мемориальных практик, заново пережить те конфликты и примирения, которыми на протяжении времени отмечены все перемены... все это образует важнейшие предпосылки понимания подходов, найденных какой-либо социальной группой, к решению основополагающей проблемы репрезентации природы собственной сущности как для себя самой, так и для других людей» [20, с. 109].

Список источников

1. Лангеноль А. Официальные визиты. Интернационализация памяти о Второй мировой войне в России и Германии // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40–47.
2. Штоп-Рутковска К. Киберпамять, или О чем мы (не) помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 130–139.
3. Шагоян Г. Мемориализация землетрясения в Гюмри // Антропологический форум. 2007. № 11. С. 328–369.
4. Cutcher L., Dale K., Hancock Ph., Tyler M. Spaces and Places of Remembering and Commemoration // Organization. 2016. Vol. 23, № 1. P. 3–9.
5. Murakami K. Commemoration Reconsidered: Second World War Veterans' Reunion as Pilgrimage // Memory Studies. 2014. Vol. 7, № 3. P. 339–353.
6. Lorenzo-Dus N., Bryan A. Dynamics of Memory: Commemorating the 2005 London Bombings in British Television News // Memory Studies. 2011. Vol. 4, № 3. P. 281–297.
7. Haskins E.V., DeRose J.P. Memory, Visibility, and Public Space. Reflections on Commemoration(s) of 9/11 // Space and Culture. 2003. Vol. 6, № 4. P. 377–393.
8. Хаттон П. История как искусство памяти. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2004. 362 с.
9. Рикер П. Память, история, забвение. Москва : Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
10. Ассман Я. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
11. Нора П. Франция-память. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. 333 с.
12. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения : антология. Москва : Канон+, 1998. С. 174–231.

13. Макаров А. Феномен памятника в современной культурной ситуации: дисфункция коммеморации // Память и памятники : материалы семинара, проведенного Волгogr. ун-том и Ин-том Кеннона. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2012. С. 19–29.
14. Святославский А.В. История России в зеркале памяти : Механизмы формирования исторических образов. Москва : Древлехранилище, 2013. 592 с.
15. Святославский А.В. Городской монумент как объект восприятия : (некоторые аспекты современной мемориальной культуры) // Преподаватель XXI век. 2010. № 1. С. 356–364.
16. Cohen A.J. Our Russian Passport: First World War Monuments, Transnational Commemoration, and the Russian Emigration in Europe, 1918–39 // Journal of Contemporary History. 2014. Vol. 49, № 4. P. 627–651.
17. Stephens J. The Ghosts of Menin Gate: Art, Architecture and Commemoration // Journal of Contemporary History. 2009. Vol. 44, № 1. P. 7–26.
18. Мусеев А.П. Память челябинских улиц. Челябинск : ЮУКИ, 1988. 288 с.
19. Челябинск : Энциклопедия / сост.: В.С. Боже, В.А. Черноземцев. Челябинск : Каменный пояс, 2001. 1112 с.
20. Мильорату Л. Тень классического наследия и ее преодоление : Память о движении сопротивления и «конфликтность» памятных мероприятий // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 108–115.

Commemoration Phenomenon: An Experience of Culturological Analysis of Public Commemoration Practices (By the Example of Chelyabinsk Streets Naming)

Maria L. Shub

Chelyabinsk State Institute of Culture, 36a,
Ordzhonikidze Str., Chelyabinsk, 454091, Russia
E-mail: shubka_83@mail.ru

Abstract. *The notion of cultural memory is popular and rather well developed today. However, that cannot be said about the forms of its visualization — commemoration practices. The commemoration phenomenon, though drawing attention of scientists-humanists, is mainly comprehended in the practical plane (as a set of concrete memorial events and reactions to them). The article attempts to add a theoretical studying aspect to this research perspective. Several significant features form the basis of commemoration, distinguishing it from other ways of cultural memory visualization. Those features are publicity, collectivity, rituality, retro-orientation, axiological orientation and emotionality. Its structure is constituted by three interconnected elements: a core (the occasion of commemoration — a significant person, event, set of events, place, etc.), a symbol (the mythologema, which creates around the core a certain figurative-value space and is addressed to society, modeling the forms and ways of its existence) and a function (whose task is integration, identification, socialization, compensation, accumulation, etc.). On the basis of this three-part structure, a technique of analyzing specific commemoration practices is developed (by the example of Chelyabinsk streets naming). As a part of implementation of this technique, a number of criteria*

for analyzing the commemoration core are highlighted: territorial localization (regional, national or global), chronological localization (before the 20th century, the 20th century, the post-Soviet period), type (personality, event, place), subject (presentation of different spheres). The content analysis of empirical material (the names of 260 streets), conducted in accordance with the specified criteria, allows to allocate the most demanded commemorative symbols (“heritage” and “hero”) and to draw not only particular conclusions on specific directions of cultural memory preservation and promotion, but also the conclusions of a wider scale — on the value strategies of the modern cultural policy.

Key words: culture, memory, collective memory, cultural memory, commemoration, public commemoration, commemoration practices, streets naming.

Citation: Shub M.L. Commemoration Phenomenon: An Experience of Culturological Analysis of Public Commemoration Practices (By the Example of Chelyabinsk Streets Naming), *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 2, pp. 161–169. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169.

Acknowledgements

This article is written within the framework of the program of grants of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation, the project “Culture as a Basis for Value and Spiritual Consolidation: The Potential of Cultural Heritage and the Images of the Future”.

References

1. Langenohl A. Official Visits. Internationalization of the Memory of World War II in Russia and Germany, *Neprikosnovennyi zapas* [Debates on Politics and Culture], 2005, no. 2–3, pp. 40–47 (in Russ.).
2. Stop-Rutkovska K. Cyber-Memory, Or: What We Do (Not) Remember in the Net. An Analysis of Local

- Memory: Bialystok and Lublin, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2015, no. 4, pp. 130–139 (in Russ.).
3. Shagoyan G. Memorialization of the Earthquake in Gyumri, *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2007, no. 11, pp. 328–369 (in Russ.).
 4. Cutcher L., Dale K., Hancock Ph., Tyler M. Spaces and Places of Remembering and Commemoration, *Organization*, 2016, vol. 23, no. 1, pp. 3–9.
 5. Murakami K. Commemoration Reconsidered: Second World War Veterans' Reunion as Pilgrimage, *Memory Studies*, 2014, vol. 7, no. 3, pp. 339–353.
 6. Lorenzo-Dus N., Bryan A. Dynamics of Memory: Commemorating the 2005 London Bombings in British Television News, *Memory Studies*, 2011, vol. 4, no. 3, pp. 281–297.
 7. Haskins E.V., DeRose J.P. Memory, Visibility, and Public Space. Reflections on Commemoration(s) of 9/11, *Space and Culture*, 2003, vol. 6, no. 4, pp. 377–393.
 8. Hutton P. *History as an Art of Memory*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004, 362 p. (in Russ.).
 9. Ricoeur P. *Memory, History, Oblivion*. Moscow, Gumanitarnoi Literaturnoi Publ., 2004, 728 p. (in Russ.).
 10. Assmann J. *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004, 368 p. (in Russ.).
 11. Nora P. *Realms of Memory*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskogo Universiteta Publ., 1999, 333 p. (in Russ.).
 12. Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life, *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya: antologiya* [Mysticism. Religion. Science. The Classics of World Religious Studies: anthology]. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 174–231 (in Russ.).
 13. Makarov A. The Phenomenon of the Monument in the Modern Cultural Situation: Dysfunction of Commemoration, *Pamyat' i pamyatniki: materialy seminarov, proved. Volgogr. un-tom i In-tom Kennona* [Memory and Monuments: Proceedings of the Seminar Held by the Volgograd University and the Kennan Institute]. Volgograd, Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta Publ., 2012, pp. 19–29 (in Russ.).
 14. Svyatoslavsky A.V. *Istoriya Rossii v zerkale pamyati: Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [Russian History as Reflected in Memory Mirror. Mechanisms of Historical Images Formation]. Moscow, Drevlekhra-nilishche Publ., 2013, 592 p.
 15. Svyatoslavsky A.V. City Monument as an Object of Perception: (Some Aspects of Contemporary Memorial Culture), *Prepodavatel' XXI vek* [The Teacher 21st Century], 2010, no. 1, pp. 356–364 (in Russ.).
 16. Cohen A.J. Our Russian Passport: First World War Monuments, Transnational Commemoration, and the Russian Emigration in Europe, 1918–39, *Journal of Contemporary History*, 2014, vol. 49, no. 4, pp. 627–651.
 17. Stephens J. The Ghosts of Menin Gate: Art, Architecture and Commemoration, *Journal of Contemporary History*, 2009, vol. 44, no. 1, pp. 7–26.
 18. Moiseev A.P. *Pamyat' chelyabinskikh ulits* [The Memory of Chelyabinsk Streets]. Chelyabinsk, YuUKI Publ., 1988, 288 p.
 19. Bozhe V.S., Chernozemtsev V.A. (eds). *Chelyabinsk: Entsiklopediya* [Chelyabinsk: Encyclopedia]. Chelyabinsk, Kamennyi Poyas Publ., 2001, 1112 p.
 20. Migliorati L. Memory of Resistance Movement and Conflict Potential of Memorial Festivities, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2014, no. 1, pp. 108–115 (in Russ.).
-
-